

МОТИВЫ РАСПЯТИЯ, ВОСКРЕСЕНИЯ И СВЯТОСТИ В ЦАРСКОЙ ТЕМЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 23 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье рассмотрены образы Царственных страстотерпцев в творчестве С. Есенина, М. Цветаевой, П. Н. Краснова, М. Шолохова, С. Бехтеева. Несмотря на идейные различия и отношение к революции данные поэты и писатели сходятся в одном: отречение Государя было катастрофой, которая повлекла за собой Смуту и гражданскую войну. В то же время русская литература в лице названных авторов пророчески свидетельствовала о святости подвига Царской Семьи.

Ключевые слова: Россия, монархия, революция, Церковь, молитва, святость, подвиг, царский крест.

Abstract: the article concerns St. Regal Martyrs' characters in creative work of S. Yesenin, M. Tsvetaeva, P. Krasnov, M. Sholokhov, S. Bekhteev. In spite of ideological differences and attitude to revolution, these poets and writers are agreed on one point: the abdication of the Emperor was a catastrophe that entailed Distemper and civil war. At the same time, Russian literature represented by these authors prophetically testified of the Royal Family feat.

Keywords: Russia, monarchy, revolution, church, prayer, Holiness, feat, Royal cross.

За последние десятилетия Царская тема в отечественной литературе оказалась чрезвычайно востребованной. Появилось множество романов, повестей, поэм, стихов, рассказов, эссе, очерков, пьес, постановок в театрах. Объять весь этот материал не представляется возможным, эта тема требует специального исследования (и не одного!). В данной статье мы сосредоточимся на анализе некоторых стихотворений великих русских поэтов, а также отдельных прозаических фрагментов романов П. Н. Краснова и М. А. Шолохова.

Многие русские поэты и писатели, обращавшиеся к царской теме, пророчески предчувствовали и предугадывали те мученические венцы, которые покроют головы Императора Николая II и его Семьи. В стихотворении С. А. Есенина «В багровом зареве закат шипуч и пенен...» (1916 год), посвященном царским дочерям, с которыми он вместе работал в лазарете, стилистика выдержана в контрастных тонах земного и небесного, божественного и суетного, вечного и временного. Уже в начале стихотворения появляется тема возможного крушения Святой Руси: «багровый» закат пейзажа пенится и шипит, как выпущенный на волю злой дух грядущих революционных потрясений. На его фоне «березки белые» — в данном случае это не только любимый образ Родины у поэта, но и символ чистоты и кротости царевен, — «горят в своих венцах». Если традиционно береза имела «зеленую прическу» или «зеленые косы», то

теперь эти сияющие венцы пророчески соотносятся с той святостью, которая явилась плодом пролитой за Христа крови. Тема мученичества прикровенно задает тональность посвящению Есенина. Царевны видятся как ангелы, на короткий срок сошедшие на землю, чтобы облегчить страдания воинов Первой мировой войны. Их любовь-жалость, сострадательность, милосердие к простым солдатам, воспетые Есениным, близость к смерти, соседство с нею подводят автора к мысли и об их возможной трагической участи, от которой уберечь может только молитва. Ею и заканчивается стихотворение, в котором поэт обращается к святой Марии Магдалине, небесной покровительнице царевны Марии Николаевны Романовой, с просьбой оградить их от возможного зла.

О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу [1, 122].

Таким образом, «венцы» белых березок символизируют царских дочерей, которым будет суждено согреть в зареве кровавого бунта, но которые, подобно свв. Борису и Глебу, приобретут через мученичество, невинное страдание Царство Небесное.

Предчувствием мученичества и святости царских детей пронизан ряд стихотворений книги М. И. Цветаевой «Лебединый стан». Она даже в портрете Николая II отмечает его «византийские», т.е. иконописные глаза. Особое чувство у Цветаевой вызывает царевич Алексей. Он был необыкновенно красивым, умным и лаковым мальчиком, хотя и неизлечимо больным. При жизни его называли «светлым отроком». Образ ребенка-страдальца, терпеливо переносящего крест

тяжелой болезни и в конце жизни обреченного на заклание, пронзителен у Цветаевой. Как и Есенин, Цветаева предчувствует беду Царской Семьи и взывает к единственному действенному средству — нелицемерной соборной молитве Церкви.

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексея
Помолись, церковная Россия! [2, 367].

Тема жертвы, принесенной за грехи народа, тема искупления — центральная у Цветаевой. Евангельские мотивы Голубя, Агнца, Сына призваны пробудить у соотечественников, одержимых бесами революции, покаянное чувство. Поразительно восприятие Цветаевой истории, ее метафизических истоков, когда она сравнивает Алексея с убиенным царевичем Дмитрием (сыном Грозного). После этого злодеяния над невинным ребенком в России разразилась пагубная Смута, которая смогла быть преодолена только соборным церковным единством. Исторические параллели очевидны: «механизм» Смуты один, и «механизм» выхода из Смуты тоже один. Когда Цветаева писала «Лебединый стан», она уже находилась внутри революции 1917 года и прекрасно понимала, что ни красные, ни белые не дадут стране мира и благоденствия. Это может сделать только Царь — Божий Помазанник. Отсюда последний отчаянный призыв к крестьянству как становой жиле, хребту русского народа:

Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексея!
(4 апреля 1917 третий день Пасхи) [2, 367].

В литературе русского зарубежья царская тема с рельефной, впечатляющей силой прозвучала в романе П. Н. Краснова «От Двуглавого Орла — к красному знамени» (1922 год).

Император Николай II впервые появляется в романе на армейском параде в Красном Селе. Краснов передает мистическое соборное единство Государя и его подданных, достигаемое не человеческими усилиями, а основанное Божиим Промыслом. Накануне парада офицеры обеспокоены тучами и туманом, которые могут сорвать торжество, но более опытные их успокаивают: с появлением Государя появлялся и солнечный луч. Необъяснимое острое счастье прикосновения к высшему авторитету, символу нации охватывает главного героя романа молодого офицера Саблина. «Впереди свиты на небольшой серой арабской лошади... легко и грациозно сидел Государь... из-под черного козырька приветливо смотрели серые глаза, алый доломан был расшит золотыми шнурами...

— Здравствуйте, господа! — раздался отчетливый голос и из тысячи молодых грудей исторг восторженный выкрик, шедший от самого сердца.

И сейчас же величественные плавные звуки Русского гимна полились на фланге и слились с ликующим юным ура.

Природа точно ждала этого могучего крика ура, этого властного, твердой молитвой звучащего гимна, чтобы начать свою работу. Невидимый ветер рвал на клочья серый туман, и наверху ослепительно горело омытое вчерашним дождем солнце.

Чудо свершилось.

Помазанник Божий явился во всей своей славе и красоте, сказочно красивый на сером арабском коне. Полубог был перед народом, и земные мысли отлетали от людей, и чувствовалась близость к небу. Парили сердца» [3, 61].

Но вот грянули трагические события мировой войны, революции и гражданской войны. И те самые офицеры и солдаты, которые в восторге хотели отдать жизнь за Государя, предали его, тем самым нарушив клятву русского народа в верности Романовым, которая была дана на Земском соборе 1613 года. Клятва гласит следующее: «Если кто не похощет послушати сего соборного уложения, которое Бог благословил, и станет иное говорить, таковой, будь он священного чину, от бояр ли, воинов или простых людей — по священным правилам Святых Апостолов и Семи Вселенских Соборов... да будет извержен из чину своего и от Церкви Божией отлучен, и лишен приобщения Святых Христовых Тайн, как раскольник Церкви Божией и всего православного христианства мятежник... и да не будет на нем благословения отныне и до века, ибо, нарушив соборное уложение, сам попал под проклятие» [4, 202].

Краснов в своем романе развешивает грандиозную картину крушения монархической России, которое стало следствием отступничества русского народа от своего призвания. В заключительных частях романа Краснов изображает последние дни Царской Семьи, данные через восприятие дочери Саблина Татьяны, которая поехала в ссылку вслед за будущими мучениками. Так возникает в романе тема Голгофы. Государя и его семью не просто уничтожили, но Царственные стратотерпцы испили всю чашу страданий — насмешек, издевательств, грубых оскорблений — от русского народа. Они смирили себя, выбрав путь Креста. Будучи невинны и оболганы, они не защищались и терпели нравственные пытки до конца. Более того, они молились за своих врагов и просили Господа об их прощении. В романе приводится эпизод, когда Государю и его семье разрешали только домашние богослужения, и те под надзором солдат. Когда священник стал поминать в молитве св. царицу Александру, поскольку был день ее памяти, то солдаты устроили скандал. Дочь Саблина пишет отцу: «А я, папа, когда мне рассказывали про это, думала, что это правда: она святая. Все, что было в прошлом, — искуплено этими муками, и будет день, когда русский народ помянет ее во святых своих угодниках» [5, 498].

Воистину пророческие слова! В 1981 году РПЦЗ канонизировала Царскую Семью, а у нас это было

сделано несколько позже. В романе Краснова, пожалуй, впервые в литературе было дано изображение трагической кончины Царя и его близких. Интриги властей должны были перед смертью разъединить Семью. В мученице Александре боролись два начала: мать и Императрица. В ней победила русская Царица, которая решила пожертвовать собою, но не допустить хотя бы невольной измены России. (В это время как раз заключался Брестский мир, и Государь думал, что его переезд связан с тем, чтобы он своей рукой подписал документ). Однако дорога вела в Екатеринбург, в дом Ипатьева. «И никого, никого не нашлось, кто бы в эти дни спас и спрятал Государя. Где же Россия? Где русские люди?!». А бывшие подданные Царя делали все, чтобы отравить его последние дни. Днем и ночью они наполняли комнату Царской Семьи, пели циничные песни, курили, плевали и грубо ругались в присутствии Государя и детей.

Единственным утешением Царской Семьи было пение духовных песен, особенно Херувимской. Татьяна Саблина передает следующий эпизод:

«Прошла минута молчания... И вдруг сверху пять женских голосов запели: «Иже Херувимы, — пели Государыня и княжны, — тайно образующе!» — и песнь-молитва неслась к небу и достигала его глубины... Песня-молитва лилась и ширилась, и чудилось, что поют ее ангелы, духи бесплотные, что зовет она образумиться весь русский народ. Я увидела слезы на глазах у часового. Я подумала, что русские люди не могут погубить Государя. Я рыдала. Часовой выругался скверным словом и пошел от окна. Точно стыдно ему стало русского чувства...» [6, 144].

После казни Государя в России были последовательно уничтожены все бывшие сословия: духовенство, купечество, дворянство, был осуществлен геноцид казачества и крестьянства. Шолохов вообще считал, что гражданская война при советской власти не кончалась никогда. И у него в «Тихом Доне» есть свое прикровенное истолкование монархической идеи как наиболее приемлемой формы правления в России. Об этом написано уже немало работ.

Отметим только один фрагмент. Отречение Императора показано в «Тихом Доне» через восприятие Листницкого, героя-идеолога монархии. Этот эпизод неоднократно рассматривался критикой как начало крестного пути Царя.

«Бледнея, с глубочайшей волнующей яркостью воскресил он в памяти февральский богатый красками исход дня, губернаторский дом в Могилеве, чугунную запотевшую от мороза ограду и снег по ту сторону ее, испещренный червонными бликами низкого, покрытого морозно-дымчатым флером, солнца. За покатым свалом Днепра небо крашено лазурью, киноварью, ржавой позолотой, каждый штрих на горизонте так неосяземо воздушен, что больно касаться взглядом. У выезда небольшая толпа из чинов Ставки, военных, штатских... Выезжающий крытый

автомобиль. За стеклом, кажется, Фредерикс и царь, откинувшийся на спинку сиденья. Осунувшееся лицо его с каким-то фиолетовым оттенком. По бледному лбу кривой черный полукруг папахи, формы казачьей конвойной стражи.

Листницкий почти бежал мимо изумленно оглядывавшихся на него людей. В глазах его падала от края черной папахи царская рука, отдававшая честь, в ушах звенели бесшумный ход отъезжающей машины и унижительное безмолвие толпы, молчанием провожавшей последнего императора...» [7, 96].

Следует выделить важное положение: только любовь к Монарху открывает Листницкому сакральный смысл происходящего. Иконописные краски пейзажа и портрета (лазурь, киноварь, ржавая позолота, «кривой черный полукруг папахи» и др.) свидетельствуют и о понимании автором глубины исторической катастрофы, поэтому образ Листницкого противопоставлен «толпе», которая и до сегодняшнего дня продолжает равнодушно взирать на то, как «пачкают светлое имя Монарха».

Совершенно особое место среди русских литераторов, отдавших свое перо служению Царской Семьи и воспеванию ее подвига, принадлежит нашему земляку С. С. Бехтееву (1879—1954 гг.). И его жизнь, и его творчество теснейшим образом связаны с трагической судьбой России в XX веке. Поэтической судьбе Бехтеева в современности посвящено уже немало работ. О нем в разделе «Русское зарубежье» упоминает М. М. Дунаев в своем исследовании «Православие и русская литература» [8]. Наиболее полно его наследие представлено в книге В. К. Невяровича «Певец Святой Руси. Сергей Бехтеев: жизнь и творчество» [9]. Много интересных и тонких наблюдений содержится во вступительной статье В. В. Хатюшина к сборнику «Меч в терновом венце» [10].

С. Бехтеев учился в Императорском Александровском (Царскосельском) лицее, три его сестры состояли фрейлинами царского двора. По окончании лицея он поступил на службу в Кавалергардский полк, где получил чин корнета. Во время Первой мировой войны воевал в действующей армии, получил ранение и попал в Дворцовый лазарет, где его посетила Государыня Александра Федоровна с Великими Княжнами. Вернувшись на фронт, он снова получает ранение и известие о том, что его покинула любимая женщина. Обе русские революции он, как воцерковленный человек, оценил крайне отрицательно, прекрасно понимая, что феномен смуты имеет дьявольские корни. И победить врага рода человеческого можно только постом и молитвой.

Глубоким евангельским духом проникнуты его стихи, посвященные Царской Семье. Одно время даже его авторство в стихотворении «Молитва» было переадресовано царевне Ольге Романовой, поскольку во время расследования Н. А. Соколова была обнару-

жена книга, подаренная ей матерью, с автографом «Молитвы», переписанной рукой Великой Княжны. В действительности же дело обстояло так, что, написав пять стихотворений — «Россия», «Боже, Царя сохрани», «Верноподданным», «Святая ночь», «Молитва», — С. С. Бехтеев через графиню А. В. Гендрикову передал их в Тобольск Царской Семье. Не случайно, что именно «Молитва» послужила той точкой опоры, которая помогла Царственным страстотерпцам до конца выполнить свой долг и увенчаться мученичеством.

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов! [10, 260].

После разгрома Белого движения С. С. Бехтеев покидает Родину и в эмиграции сосредоточенно работает, в сущности, только над одной темой — воскресения Святой Руси, которое не мыслится им без возвращения Монарха. Поистине достойны удивления те грани смысла, которые он обнаруживает в этой идее. Остановимся на некоторых из них.

Непрерывным условием очищения и обновления любимой Руси выступает у поэта проблема покаяния народа за отречение от Царя и его последующую смерть. Это именно проблема, открытый и до сегодняшнего дня вопрос: за что каяться? Очень точно и емко отвечает на него поэт, варьируя мысль от стиха к стиху. Так, в стихотворении «У Креста» звучат следующие строки:

Нависла мгла. Клубятся тени.
Молчат державные уста.
Склонись, Россия, на колени
К подножью Царского Креста! [10, 258].

В стихотворении «За что?» поэт прямо обращается к опыту истории, когда была преодолена Смута XVII века. Тогда народ с помощью Церкви, поста и молитвы снискал себе Божью милость: природный русский царь Михаил Романов был избран Земским Собором. Но многие ли знают, что этим же Земским Собором было принято Уложение, которое гласило, что наш народ в вечной верности присягает роду Романовых, а кто уклонится или изменит присяге, тому будет анафема, т.е. отлучение от Церкви. Вот в какой измене, предательстве Иуды повинны те, кто приветствовал революцию.

Нам, русским, послан Крест тяжёлый,
И мы должны его влачить.
За грех чудовищной крамолы,
За то, что не хотели чтить
В своей бессовестной гордыне,
Как непокорные сыны,

Нам Богом данные святыни
Благой и мудрой старины.
За то, что нехристям в угоду
Преступный замысел творя,
Себе мы прочили свободу
И свергли Ангела-Царя.
И тем, покрыв себя позором,
Дерзнули клятву осквернить,
За всех нас данную Собором,—
Во век Романовым служить.
И вот за этот грех великий
Страдаем всюду мы теперь... [10, 272].

Следующий аспект царской темы — пророчество С. С. Бехтеева о святости подвига Царской Семьи, которая своей невинной кровью смыла страшные язвы и проказу пошатнувшегося русского духа. Вера в молитвы наших небесных заступников — Царственных страстотерпцев — дает силу русскому народу не только выживать в немыслимых условиях земного ада, но и сохранять, приумножать наши национальные святыни вопреки козням цареубийц и их последователей-потомков. Заметим, что пророчество С. С. Бехтеева о Храме-на-крови на месте преступления исполнилось буквально.

На месте том, где люди злые
Сжигали Тех, Кто святы нам,
Поднимет главы золотые
Победоносный Божий Храм.

И, Русь с небес благословляя,
Восстанет Образ неземной
Царя-Страдальца Николая
С Его замученной Семейей [10, 271].

На плите могилы С. С. Бехтеева, похороненного в Ницце на русском кладбище, сделана надпись: «Сергей Сергеевич Бехтеев. Лицеист 59 выпуска Императорского лицея. Царский поэт. Офицер Белой Армии» [10, 24]. Его кредо и судьба в какой-то степени перекликаются с позицией другого великого русского поэта, убитого большевиками, — Николая Гумилева. Он также был знаком с Царской Семейей, посвящал ей стихи и говорил, что никогда не простит цареубийцам их смертного греха. Гибель самого Н. Гумилева была героической: он предпочел смерть офицера русской армии жизни, купленной потерей чести.

Желанное, светлое слово — «свобода»,
Прекраснейший лозунг на вид,
В устах иступлённого зверя-народа
Преступной насмешкой звучит.

Свобода — темница! Свобода — оковы!
Свобода — законный грабёж!
Свобода — венец, как и прежде терновый!
Какая ужасная ложь! [10, 277]

В заключение хочется подчеркнуть, что великая русская литература, хотя и была рассечена надвое

октябрьским переворотом, сохранила в лице своих наиболее достойных представителей истинную систему духовных ценностей русского мира, благодаря которому мы в состоянии расти, двигаться дальше и развиваться сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С. А. «Шел Господь пытаться людей в любви...» / С. А. Есенин. — СПб.: Глагол, 1995. — 207 с.
2. Цветаева М. И. Сочинения: В 3 тт. Т. 1 / М. И. Цветаева. — М.: «Прометей», 1990.
3. Краснов П. Н. От Двуглавого Орла — к красному знамени: В 3 кн. Кн. 1 / П. Н. Краснов. — Екатеринбург, 1994.
4. Иоанн (Снычев), митрополит. Самодержавие Духа. Очерки русского самосознания / Митрополит Иоанн (Сны-

чев). — СПб.: Царское дело, 1995.

5. Краснов П. Н. От Двуглавого Орла — к красному знамени: В 3 кн. Кн. II / П. Н. Краснов. — Екатеринбург, 1994.
6. Краснов П. Н. От Двуглавого Орла — к красному знамени: В 3 кн. Кн. III / П. Н. Краснов. — Екатеринбург, 1994.
7. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Кн. II / М. А. Шолохов. — М., 1962.
8. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 т. / М. М. Дунаев. — Т. VI. — М.: Христианская литература, 2000. — С. 513—515.
9. Невярович В. К. Певец Святой Руси. Сергей Бехтев: жизнь и творчество / В. К. Невярович. — СПб.: Царское дело, 2008. — 784 с.
10. Меч в терновом венце. — М.: МГУ им. М. А. Шолохова, 2008. — 462 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru